

РОССИЯ — РОДИНА СЛОНОВ?

Нет, я решительно не хотел бы оказаться в числе тех, кто готов ответить на этот вопрос утвердительно, да и пора подобных утверждений, вроде бы, минула. И однако... Справедливости ради... Ну, чего не бывает.

С уважением и интересом отношусь к классикам абсурдистской драматургии — Беккету, Ионеско, особенно Мрожеку. Однако это — середина прошлого века. А уже в веке XIX Подколесин покидал дом невесты через окно, когда женитьба была слажена, Тарелкин бежал впереди прогресса. И дядя Ваня промахивался, стреляя в Серебрякова почти в упор, однако это чуть позже, но все к тому же: корни абсурдистской драматургии традициям русской культуры не чужды, далеко не чужды.

О драматурге **Александре Копкове** известно немного. Происхождение, кажется, крестьянское, занимался самообразованием, жадно читал, особое увлечение — пьесы Сухово-Кобылина.

Из личного общения с Борисом Андреевичем Бабочкиным я знаю, что он очень ценил Копкова, видя в его драматургии возможность именно русского сценического абсурда. Бабочкин ставил «Царя Потапа» где и когда только мог, даже нарываясь на неприятности. Не забудем и о том, что именно наш «всенародный Чапаев» создал на сцене Малого театра (!) абсурдистский шедевр — «Фальшивую монету» по пьесе Горького.

Пьесы Копкова рождались примерно в то время, когда Эрдман писал «Самобийцу», Маяковский — «Клопа» и «Баню», Ильф и Петров — «Золотого теленка». Общей в произведениях столь мощных и разных авторов была тревога, порожденная тем, что стремительно меняющаяся действительность приходила во все более жесткое противоречие с основами человеческой природы (природы русского человека в особенности), к скорым метаморфозам вовсе не склон-

Мочалкин — А. Таранькин

Курицын — И. Балалаев

ной. А когда неторопливая человеческая природа и стремительная действительность, с ней не считающаяся, сталкивались в клинче непримиримом, уродуя и искажая друг друга, возникали ситуации трагического жизненного абсурда, для адекватного художественного воплощения требовавшего трагического абсурда сценического.

Кстати, в те же опять-таки годы, вышла (не у нас) книга французского писателя Андре Жид «Возвращение из СССР». Перечитывая ее сегодня, улавливаешь трагическую интонацию, мимо которой проходил прежде. Убежденный сторонник социалистических идей и преобразования на их основе человеческих душ приехал в СССР для подтверждения этих идей. И не смог такого подтверждения найти.

Вряд ли Андре Жид и Копков читали друг друга.

Но это — реплика в сторону.

Пьесу Александра Копкова «Слон» поставила в МТЮЗе Генриетта Яновская вместе с Сергеем Бархиным.

Сценический абсурд, по моему разумению, это когда кубики, из которых складывается реальность, валяются, перемешиваются, а потом — они же — выстраиваются вновь, только в иной конфигурации, суть этой реальности гиперболизирующей. Становится иногда смешно, иногда страшно, или страшно и смешно вместе, в зависимости от того, как нынче за окном все складывается.

В МТЮЗе — гротескные интерьеры С. Бархина и костюмы, пародирующие колхозные фильмы тридцатых годов, соединяются с популярными советскими мелодиями, и возникает сдвинутая по фазе сценическая реальность, в которой подмигивающая из пьесы чертовщина нахально предъявляет свои права.

Черт является во сне рядовому колхозному человеку Мочалкину и не только подмигивает, но информирует, что поблизости спрятан клад, оставленный еще Стенькой Разиным, и даже место указывает, стержец, так что замороженный сном Мочалкин уходит на дьявольский зов через окно в од-

Цаплин — М. Виноградов, Алла — П. Одинцова, Салакин — Д. Супонин

ном исподнем — и становится обладателем слона, отлитого из чистого золота. С которым ни он, ни односельчане, поначалу жадно потянувшиеся к сокровищу, решительно не знают, что делать. Помните, как мучился Бендер со своим миллионом, который для советской действительности — бессмыслица, нонсенс. И как жалко было Остапа-Юрского из знаменитой картины, который начинал понимать, что принадлежит не себе, а до кончиков ногтей — государству, взявшему в распоряжение его жизнь. И не только его.

Мочалкину рефлексия Бендера, понятное дело, недоступны. Но ведь и самое простое желание человека — существовать не впроголодь — заслуживает сочувствия. **Александр Тараньжин** чутко улавливает отчаянные движения девственно-примитивной души. Его мечты о том, как бы он, Мочалкин, устроился при капитализме со своим золотым слоном, смешны до тех пор, пока не понимаешь: да ведь сбылись мечтания. Не у того, правда, Мочалкина, маленького, соблазненного чертом

не первой руки, а у этих, нынешних, ну как их... Которые с главными чертями на «ты». И с которыми не до смеха.

Так работает русский драматургический абсурд едва ли не вековой давности, прочитанный глазами сегодняшнего режиссера и сегодняшних артистов. **Арина Нестерова** (Марфа, жена Мочалкина), **Игорь Балалаев** (Журицын, глава колхоза), другие участники спектакля надежно поддерживают главного исполнителя. Когда в дело вмешивается чертовщина, найти общий верный тон непросто. В спектакле МТЮЗа он найден.

А тот, маленький человек, придя в иступление от мечтаний, мобилизовал односельчан, и они за ночь (да нет, шибче!) из ветхих юбок и истлевших кальсон соорудили... Ну да, дирижабель. А что? Известно же: если захотим — можем! Пусть хоть один улетит отсюда. На Юпитер, куда-нибудь, да к черту хоть на рога — душу ему продать, была не была, делов-то!

Только не пришло еще время, не случилось парения. Вон и у Лескова после юве-

Мочалкин — А. Тараньжин, Варвара — М. Зубанова

лирной работы Левши подкованная аглицкая блоха скакать перестала. Не рассчитал. Да и мелкоскоп нужной кондиции не сыскался в России. А у Копкова — не выдержал Мочалкин, тянула родная земля, будь она не ладна, все еще к себе тянула — и вывалился из дирижабеля, угодил на свинарник, свинью и борова задавил, а самому хоть бы что: крепок наш человек, и в удаче, и в падении крепок.

Словом, ушиблись, но, в конце концов, дожили. Пришло время — и золотым слонком распорядились по полной. И до миллиона Бендера добрались, даром, что его, как помните, румынская сигуранца отняла.

Кто распорядился, кто добрался, и кому от этого счастье привалило — вопрос интересный. Отдельный.

Ау, Мочалкин! Нас-то слышишь ли?

Так что Россия нынче — и вправду родина слонов.

И дирижабель — в полете. И никто из него не вываливается.

P.S. А ныне министр культуры объявил о слиянии питерской Александринки с Ярославским театром имени Волкова. Сразу — оптимизацией по национальному достоинию, не размениваясь на мелочи. Своеобычный проект, но при этом для осуществления его потребуются, видимо, и некоторые коррективы в системе руководства отрасли. Надо прикупить для Министерства культуры отдельный спецдирижабель, с мигалкой, понятное дело, чтоб сподручней было рождасть инициативы на космическом уровне, хоть на Юпитере. И вообще — слить Министерство культуры с Роскосмосом.

Получится что надо. Сценическая коллизия копковского абсурда покруче.

В глазах рябит — от слонов.

Константин ЩЕРБАКОВ
Фото Елены ЛАПИНОЙ